

Р Ѣ Ч Ъ

С. Г. Павловскаго, Секретаря Донской Духовной Консисторіи, при возложеніи вѣнка отъ членовъ и служащихъ Консисторіи при выносѣ изъ дома въ Каѳедральный соборъ честныхъ останковъ Каѳедральнаго Протоіерея о. В. М. Петрова.

Незабвенный нашъ сослуживецъ,
Отецъ Протоіерей Василій Михайловичъ!

Какъ обманчива и ненадежна жизнь наша! Какъ неожиданно и быстро приходитъ смерть! Давно ли слышался между нами благодушный тонъ твоей рѣчи? Давно ли всегда ласковый взоръ твой увеселялъ наше сердце? Давно ли ты вмѣстѣ съ нами строилъ планы о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ нашихъ общихъ служебныхъ дѣлахъ? Давно ли все это было?! И что же?! Предъ нами одно бездыханное, холодное тѣло твое! На лицѣ твоёмъ печать смерти, твои уста сомкнуты навѣки, не слышно твоего привѣтливаго голоса; твои руки не пожмутъ уже дружески руки нашей.

Великій Боже, какъ непостижимы пути Твои! Если когда, то особенно теперь невольно приходятъ на память

слова пророка: „человѣкъ яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельный“.

Думали ли мы, дорогой нашъ сослуживецъ, отецъ Протоіерей Василій Михайловичъ, что такъ скоро разстанемся съ тобой? И это — неожиданное, негаланное случилось. Не прошло и трехъ недѣль, какъ ты еще бодрый и, повидимому, крѣпкій съ надеждою смотрѣлъ въ будущее, когда въ разговорѣ со мною собирался на будущее лѣто отдохнуть подъ Москвою. Но теперь, теперь ты нашелъ другой отдыхъ... „въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе“. Но уходя отъ насъ въ путь дальній, ты оставляешь намъ въ нашей памяти, въ нашихъ сердцахъ свѣтлый и чистый обликъ своей высокой личности.

Свыше 15-ти лѣтъ ты былъ членомъ Донской духовной Консистеріи и за это время мы, твои сослуживцы, научились высоко цѣнить твою свѣтлую личность и твои дѣла.

Прежде всего насъ всѣхъ, твоихъ сослуживцевъ, поражала рѣдкая въ наше время твоя живая и твердая вѣра въ Бога и Его спасительный промыселъ о человѣкѣ. О тебѣ необинуюсь можно сказать: ты всегда былъ съ Богомъ и Богъ былъ съ тобою. Твоя рѣчь носила въ себѣ печать того, что на языкѣ гомилетическомъ называется „помазанностію“. Хорошій знатокъ Слова Божія и богослужбныхъ книгъ, ты и мысли свои излагалъ часто ихъ дивнымъ и сильнымъ языкомъ. Въмѣстѣ съ глубокою, искреннею и живою вѣрою въ Бога, ты воспиталъ въ себѣ и глубокою, беззавѣтную преданность Священному Помазаннику Нашему, Государю Императору. Ты былъ царелюбивымъ и *русскимъ* *человѣкомъ* и по духу и по дѣламъ! Мы, твои сослуживцы, поражались твоею глубокою проникновенностію въ мысли и дѣла людскія! И этотъ даръ твой особенно былъ дорогъ въ тебѣ, когда тебѣ пришлось быть „судьею“. А судья ты былъ праведный: спра-

ведливый, безпристрастный и милостивый. Не скрылась отъ насъ и твоя *любовь* къ людямъ. Ты не хотѣлъ видѣть въ людяхъ худшее, но искалъ въ нихъ лучшее. Ошибки же ихъ покрывалъ любовію и снисходительностію. Насъ изумляла твоя удивительная работоспособность, твоя усидчивость и поразительная энергія. Ты не откладывалъ своего дѣла до „завтра“, ибо зналъ, что завтра ждетъ тебя новый трудъ и новый подвигъ. Наконецъ, твоя корректность, твоя ласковость въ обращеніи, твоя внимательность и деликатность и твоя любовь къ правдѣ всегда вызывали въ насъ, твоихъ сослуживцахъ, глубокое къ тебѣ уваженіе. Мы, твои сослуживцы, цѣнили твои мысли и прислушивались къ твоему голосу. Безъ твоего совѣта, безъ твоего авторитетнаго указанія мы никогда не рѣшали ни одного важнаго дѣла. А почему? Мы привыкли видѣть и видѣли въ тебѣ *мужа разума и правды*.

Прискорбна душа наша. Тяжело намъ разставаться съ тобою. Но пути Божіи неисповѣдимы, и мы преклоняемся предъ ними. Провожая тебя въ путь далекій, усердно просимъ тебя, незабвенный отецъ Протоіерей Василій Михайловичъ, принять отъ насъ, твоихъ сослуживцевъ, этотъ скромный вѣнокъ, какъ внѣшнюю дань нашего внутренняго глубокаго къ тебѣ уваженія. Мы же, свято храня въ сердцѣ своемъ твой свѣтлый обликъ, всегда будемъ молить Бога, да упокоитъ Онъ, Милосердный, тебя въ мѣстѣ свѣтлѣ, мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ и содѣлаетъ тебя участникомъ безконечныхъ радостей.

